

Вор. Русская народная сказка

1.

Жил-был старик со старухою; у них был сын по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят: «Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти». Отвечал им Иван: «Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса́». Выкормили его до уса и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до уса́, теперь ты корми нас до самой смерти». — «Эх, батюшка, и ты, матушка, — отвечает сын, — когда кормили меня до уса́, то кормите и до бороды». Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти». — «А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына.

Призывает господин Ивана: «Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?» — «Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно». — «А по мне как знаешь, — говорит ему барин, — хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!» Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошел он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать: «Эй, кто там есть? Подать босовики!» А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унес домой. «На, батюшка, — говорит отцу, — снимай свои лапти, обувай господские сапоги».

Наутро хватился барин — нег сапогов; послал за Иваном: «Ты унес мои сапоги?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!» — «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» — «Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказу не хотел послушаться». — «Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня черного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей». — «Слушаю-с!» — отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли,

подложил под нее петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатаря вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на сторону; ошипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» — закричали плугатаря и пустились вдогонку за петухом. Иван увидал, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увел домой.

Плугатаря гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: черного быка нет, а пестрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; черного-то совсем сожрал, а пестрому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою: «Помилуй, отец, бык быка съел». — «Ах вы, дурачье безмозглое, — закричал на них барин, — ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!» Позвали. «Ты быка украл?» — «Я, барин». — «Куда же ты девал его?» — «Зарезал; кожу на базар снес, а мясом стану отца да мать кормить». — «Молодец, — говорит барин, — вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двести рублей, не уведешь — влеплю двести плетей!» — «Изволь, барин, украду».

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю — нет ни души, смотрит — висит на вешалке господская одежда; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам: «Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг все дело исправили и подвели к крыльцу оседланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком — только и видели!

На другой день спрашивает барин: «Ну, что мой любимый жеребец?» А он еще с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном. «Ты украл жеребца?» — «Я, барин». — «Где ж он?» — «Купцам продал». — «Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского наставника». — «А что, барин, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдешь?» — «Твоя воля; делай, что сам знаешь».

Призвал барин наставника. «Берегись, — говорит, — стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется». Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришел

Иван-вор с рогозинным кошелем и стучится в окно. «Кто ты, человече?» — «Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель». Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понес на колокольню. Тащил-тащил. «Скоро ли?» — спрашивает наставник. «А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива».

Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки! «Ох, — говорит, — правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!» — «Терпи, спасен будешь!» — отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиной в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдет да не ударит по кошелю три раза — да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо, — непременно стегнет три раза. Идет барин: «Что за кошель висит?» Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник. «Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!»

2.

Был старик со старухой, у них сын Климка. Думали-гадали, в какое мастерство отдать его учиться, и придумали отдать вору на выучку. Долго ль, коротко ль, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; жил Климка у мастера-вора, да и выучился воровать на славу; не ведал только, как у сороки яйца красть. «Пойдем, — говорит мастер Климке, — я покажу тебе, как у сороки яйца крадут. Показал бы я тебе, как штаны с живого человека снять, да сам не умею!» Вот полез мастер на дерево; яиц у сороки украсть не удалось, а Климка штаны с него стибрил. «Нечему мне тебя учить, — говорит мастер Климке, — ты сам меня научишь!»

Пришел Климка к отцу, к матери и стал кормить их своим мастерством. Что ни увидит — так в избу и тащит; повесят ли бабы сорочки сушить, станут ли холсты белить — он все к рукам приберет. Собрались крестьяне миром и пошли жаловаться барину: «Появился-де вор Климка, богатых мужиков разорил, а бедных совсем оголил». — «Что ж вы, дурачье, его не изловите?» — «Не такой вор, батюшка! Так востёр, так хитёр, что, кажись, из-под птицы яйца выкрадет!» Захотелось барину попробовать Климовой удали, велел

позвать его. Пришел Климка. «Можешь ли украсть у меня барана?» — «Могу!»

Вот барин и наказал пастухам беречь баранов от Климки-вора. Пастухи погнали стадо в поле, а Климка-вор забежал вперед, сделал петлю, да такую хитрую, что повиснуть на ней можно, а удавиться нельзя, взлез на березу и надел на шею петлю, будто повесился. Как увидели его пастухи — и беречься перестали. А Климка соскочил с дерева, забежал опять вперед, взлез на осину и зацепил веревку на шею. Подошли пастухи, глядь — Климка-вор и здесь висит! Один пастух говорит: «Климка на осине повесился!», а другой говорит: «Врешь, это не он; Климка на березе повесился!» Спорили-спорили и побились об заклад; побежали смотреть, кто повис на березе? Тем временем Климка соскочил с дерева, барана за рога да в кабак. Наутро призывает барин Климку: «Ты украл барана?» — «Я». — «Где же он?» — «Продал». — «А деньги где?» — «Пропил». — «Украдь же теперь у меня шкатулку с деньгами». — «Изволь!»

Барин взял шкатулку, нарочно у окна поставил, себе ружье достал, а лакеям дал сабли: «Пускай-ка сунется, мы его примем по-своему!» Ночью Климка-вор украл козла, поднял окно, просунул в горницу козлиную голову и тычет прямо на барина. Барин и лакеи думают: сам черт лезет; пороняли ружье и сабли и попадали со страстей на пол, а Климка за шкатулку, да и был таков! Наутро призывает барин Климку: «Ты унес шкатулку?» — «Я». — «Где ж она?» — «Разломал». — «А деньги где?» — «Промотал да пропил». — «Теперь украдь у меня лошадь». — «Изволь!»

Наказал барин конюхам беречь лошадь пуще своего глаза: одному велел за хвост держать, другому за повод, третьего верхом посадил, еще двух у дверей поставил с дубинами. Климка надел барское платье, и только стемнело — пошел в конюшню. «Вы здесь, ребята?» — закричал Климка и голос свой переменял — точь-в-точь как у барина. «Здесь», — отвечают конюхи. «Небось озябли?» — «Озябли, барин!» — «Ну вот погрейтесь, я принес вам водки, только смотрите, стеречь хорошенько!» — «Рады стараться!» Напоил Климка всех конюхов допьяна; верхового посадил на слегу, который за повод держал — тому дал веревку, который за хвост — тому пук соломы, а что у дверей стояли — тех за волоса скрутил друг с дружкой; сам вскочил на лошадь, приударил плеткою — и след его простыл.

Утром приходит барин в конюшню: лошадь украдена, а конюхи спят с похмелья. Как прикрикнет, затопает ногами — что тут было только! Один

конюх со слезы упал, все кишки отбил; другой спросонок забормотал: «Стой, одёр! Тпррру!» А двое, за волоса связанные, потянулись в разные стороны и давай рваться, давай угощать друг друга тумаками да подзатыльниками. Плюнул барин и послал за Климкою. «Ты украл лошадь?» — «Я». — «Где ж она?» — «Продал». — «А деньги где?» — «Промотал да пропил». — «Ну, черт с тобой!»

3.

Жил барин именитый, у него был крестьянин Каныга, по прозвищу Лыга; сам барин так его прозвал за то, что дюже много облыгал. Вот посылает барин: «Призовите, — говорит, — ко мне Каныгу-Лыгу». Лыга пришел. «Ну что, Каныга!» — говорит барин. — Сказывают, ты дюже фастаешься, что ты хитер на разные этакие проворные дела. Уведешь ли ты крестьянских лошадей?» — «Уведу». — «Врешь! Я вот пошлю семьдесят пять подвод с просом на мельницу; ежели ты уведешь, так дам тебе, — говорит, — тысячу рублей». — «Ладно, барин, только дайте задатку». — «Изволь!» Вынул трехрублевую и отдал.

Вот отправил барин семьдесят пять возов с просом на мельницу; мужики поехали через бор. А Лыга-то впереди их поспел да в бору поперек дороги на лежнях быдто повесился. Один мужик подходит: «О, — говорит, — да это Лыга! Что ты тут делаешь?» Он молчит. Вот тот возьмет — хлопнет его кнутом, другой возьмет — хлопнет, он все молчит, как мертвый какой! Поехали дальше, а Лыга-то рысью успел вперед взять, да на дороге опять и повесился. Как мужики-то подъехали, один и говорит: «Ба! Да это никак Лыга?» А другой говорит: «Нет, не он! Лыга там позади остался». — «А давай об заклад, что он». — «Давай!» Вот ударились об заклад. «Ну, — говорят, — пойдем взад — посмотрим; мы еще недалече отъехали».

Пошли двое, а за ними и все побегли. Лыга, увидавши, что мужиков нет, а подводы тут, взял отвязался и погнал подводы ближнюю дорогою к себе на двор. Мужики приходят: нет ни возов, ни лошадей. Послали своего старосту доложить барину, что так и так: все подводы пропали. «Эх, — говорит барин, — верно это Лыга, сучий сын, проказит! Ступай к нему да возьми все назад». Староста пришел к Лыге: «Что, у тебя подводы с просом?» — «У меня». — «Барин велел назад взять». — «Пускай-ка наперед тысячу рублей пришлет!»

4.

Жил старик со старухой; родился у них сын Матроха, стал подрастать, стала мать говорить старику: «Поведи сына, отдай куда-нибудь в науку!» Старик собрался и повел сына в город; идут они дорогою, и попадаетеся им навстречу мужик: «Здорово, старичок! Зачем идешь, куда путь держишь?» — «Да вот, родимый, сына в город веду, в науку отдавать хочу». — «Отдай его мне, добру научу». — «А ты какому мастерству знаешь?» — «Я — ночной портной: туда-сюда стегну, шубу с кафтаном за одну ночь сошью». — «Ах, родимый, мне такого и надобно», — говорит старик, и отдал ему сына. Как воротился домой, старуха спрашивает: «Ну что, старик?» — «Слава тебе господи! Отдал сынка к ночному портному в ученье, да еще какой мастер выискался: туда-сюда стегнет, за одну ночь шуба с кафтаном явится!» — «Ну, ладно, — говорит старуха, — дай бог, чтоб наука впрок пошла!»

Ночной портной привел Матроху к себе в дом, дождался вечера и говорит ему: «Ну, теперь пойдем на раздобытки!» — «Куда?» — спрашивает Матроха. «Да есть у меня на примете вдова; заберемся к ней да пообчистим клетки». — «Эх, ты! Вдова — бедный человек, у ней все трудовое; пойдем лучше к богатому генералу». — «И то дело!» Вот и пошли; Матроха захватил с собой целую вязку соломы, и как только подошли к генеральскому дому, сейчас обернулся в солому, перепрыгнул через забор и подкатился прямо к крыльцу. Стоят два дворника; один говорит: «Вишь, солома катится!» А другой: «Пускай катится, где-нибудь да остановится; завтра утром уберем».

Матроха выждал время, выскочил из соломы и забрался в хоромы; нашел генеральский халат и фуражку, нарядился, вышел на крыльцо и крикнул дворникам: «Что, ребята, холодно нынче?» — «Холодно, ваше превосходительство» — «А про воров не слышно?» — «Нет, ничего не слыхать». — «А коли не слыхать, так ступайте себе с богом спать».

Дворники ушли в кухню, а Матроха отпер ворота, впустил своего учителя, и принялись вдвоем за работу: стали замки ломать, амбары вычищать; забрали все, что получше, да и были таковы! Дошло до дележа; ну, знакомое дело — не поладили, не захотел Матроха быть под началом и воротился к отцу, к матери; стал он красть-воровать, на все стороны обирать; пошла об нем слава по всему околотку.

Присылает к нему генерал и говорит: «Сказывают про тебя, что ты славный вор! Покажи свое мастерство, украдь моего лучшего вороного коня; если украдешь — плачу тебе сто рублей, а на воровстве попадешься — твоя

спина в ответе. Согласен?» — «Согласен, отчего не украсть». — «Когда ж воровать придешь?» — «Да зачем откладывать? Нынешнюю ночь приду». Генерал собрал конюхов и накрепко приказал беречь: одного посадил верхом на коня, другому велел за узду держать, третьему за хвост, а двух у дверей поставил.

Матроха тоже не промах, себе на уме; купил ведро водки, поставил у самой конюшни, обвертелся-обвязался соломой и лег возле. «Братцы! — говорит один караульщик. — Надо обойти кругом конюшни да поглядеть, не видать ли вора?» — «Ну что ж, поди, погляди; у дверей пока один постоит». Вышел караульщик и стал присматриваться; видит — солома валяется, поднял всю связку и снес в конюшню. «Вишь, — говорит, — прибрать позабыли!» Потом усмотрел полное ведро водки. «Верно, — думает, — кто-нибудь из кабака унес да здесь припрятал: добро ж, мы и сами с усами, сумеем выпить!» Притащил ведро в конюшню: «Братцы! Бог находку послал». Выпили конюхи по стакану — хорошо, выпили по другому — еще лучше, и давай пить-опорожнять дочиста; напились пьяны и заснули как убитые.

Матроха только этого и ждал, вылез из соломы и принялся за работу; обрезал у лошади и хвост и повод; конюха, что верхом сидел, снял вместе с седлом и посадил на перекладину, отворил ворота и увел коня. Ранехонько утром проснулся генерал и бросился поскорей в конюшню; смотрит — дверь растворена, караульщики спят: один держит обрезанные повод, другой — обрывок лошадиного хвоста, третий на перекладине очутился, а лучшего вороного коня как не бывало. «Ах вы, мошенники!» — закричал на них генерал; караульщики разом проснулись от его грозного голоса, пали на колени и повинились в своей вине.

Пошел генерал к старику на двор; а старик сидит у ворот на завалинке, греется на солнышке. «Здорово, старик! Что твой сынок?» — «Мотрошит помаленьку; вот нынешнюю ночь коня привел — такого славного, видного!» — «Экой плут! На, отдай ему сто рублей да скажи, чтоб ухитрился, украл у меня весь прибор со стола; коли украдет — другую сотню пожалую, а нет — так спиной расплатится!» — «Хорошо, — говорит, — скажу».

На другой день собрались к генералу гости; а Матроха выпачкал себе рожу сажею, привязал к голове бараньи рога, забрался в генеральские хоромы и залез за печку. Только стали гости за обед садиться, он как выскочит, как побежит по горницам. Гости за ним, генерал за гостями, слуги за генералом. «Черт, черт!» — кричат все в один голос; шум, гам, беготня в доме, а старик, по уговору с сыном, бросился из передней прямо к столу,

забрал весь прибор и унес к себе.

Воротился генерал, глядь — не видать на столе ни ложки, ни плошки! И черта не поймал и прибор потерял. Пошел к старику на двор; опять сидит он на завалинке да греется на солнышке. «Здорово, старик! Что твой сынок?» — «Слава богу, мотрошит помаленьку; вот сейчас притащил целый ворох блюд, ножей да ложек; будет на чем пообедать!» Заплатил генерал сто рублей и не захотел больше ведаться со стариковым сыном.

5.

У барина был старик-слуга, такой верный, что всем домом один управлял; а сын его Климка не в батьку пошел, с малолетства воровать научился. А ему ли не было холи и воли? Отец водил его, словно ягодку, в красной рубашке, в новых сапожках. Так нет, нечестивого дарами не ударить. «Пойду, — говорит, — батюшка, уведу вола». — «Не ходи, каналья! Тебе там голову сорвут». Не послушал Климка отца, пошел воровать. Гонят хохлы гурт. Климка выглядел-высмотрел, забежал вперед, не пожалел нового сапога снял с ноги и бросил на дороге; сам за куст спрятался. Хохлы увидели сапог: «Эх, жаль, что один! Кабы, — говорят, — пара таких сапогов, надел бы их и стал паном». Поговорили, сапога не подняли и погнали скотину дальше. Климка рад услужить, забежал вперед, снял другой сапог и кинул на распутье. Хохлы увидели, обрадовались и пустились все за прежним сапогом. А Климка не плошает, дело в его руках огнем горит: отвязал пару волов — и поминай как звали!

«Худо, худо делаешь, — говорит отец, — скажу барину». Сказал барину под веселый час. Климку позвали. «Ты, Климка, говорят, вор?» — «Вор, сударь!» — «Ха-ха-ха! Украдь же у меня стоялого жеребца». — «Украду, только чур не отнимать». — «Не отниму!» Барину потеха, что Климка-мальчишка вор! Над жеребцом поставили большой караул: два человека за узду держат, два — за хвост, четверо — за ноги, один верхом сидит, да двое у дверей торчат; всех сторожей было одиннадцать. «Смотрите, ребята, не спать, не зевать! — говорил барин. — Придет Климка воровать — ловите; уж мы его проучим, зададим ему баню!»

Пришла ночь, пришел и Климка; взлез на крышу, проломал дыру, спустил в конюшню бочонок вина на оброточке, бочонком помахивает, сторожей подразнивает. «Братцы, — говорят караульщики, — что-то хорошо пахнет! Кажись, бог клад посылает; дураки же мы будем, коли не сумеем взять

его». Один за другим стали к бочонку прикладываться, зелена вина натягиваться; натянулись так, что и руки опустили и носы повесили. А Климке того и надо; он тут как есть! Зачал распорядиться по-своему: верхового снял — на колоду посадил, которые за ноги держали — тем в руки по палке всунул, которые за хвост — тем трепаной пеньки дал, а которые за узду — тем по веревочке, опростал повода и вывел коня, сел на него молодцом и очутился под барским крыльцом. «Ах, ах! Где мои наглядчики, где караульщики?» Пошел барин на конюшню пытаться, а они словно дурни спят, еще не очнулись спяна. «Ну, Климка, твое счастье, твой конь! Украдь же ты у меня погребец». — «Украду, только не отнимай». — «Не отниму!»

Климка взял лопату и заступ, пошел на кладбище, вырыл мертвеца и сготовился на дело; а барин собрал-снарядил караул с вилами, стрелами, дубинами: глянуть, так страшно! Посадились все караульщики в круговину, погребец поставили в середину; сидят, чубом не тряхонут, глазом не моргнут, хозяйское добро берегут. Пришла полночь, в окно кто-то стук-стук! Поднялись дубинки, натянулись стрелы, уставились вилы. Показалась голова, лезет человек, а то Климка-вор сует в окно мертвеца; сейчас напали на того мертвеца караульщики, изрубили-искрошили в пирожное тесто. Пошли доложить барину, что Климку убили, на куски искромсали, да погребец грудью отстояли. Барин за то ни похвалил, ни пожурил, а по Климке, видно, не много тужил. Тем временем Климка-вор унес погребец и завалился спать.

Вот на другое утро понадобился барину погребец, приказал подать; слуги побежали, хватать — тут был, да нету! «Что за притча!» — думает барин; смотрит — а Климка в дверь. «Ты унес погребец?» — «Я». — «Как же ты украл его?» — «Как бы ни украл, да украл, про то я знаю». — «Ну, удалец! Этак ты, пожалуй, у меня барыню украдешь?» — «Украду, только без выкупа не отнимай». — «Дело! А коли не украдешь, знай наперед: велю тебя повесить». Согласились. Оградил барин барыню нянюшками, мамушками, красными девушками; сам над нею день и ночь сидит, в ее очи глядит, каждый шаг назирает, каждый след охраняет. Украсть трудноато!

Случилась барину нужда лесным путем проезжать. Климка забежал вперед, развешал по деревьям колокольчики; сам взял взлез на ближнюю осину, надел на шею петлю и повис вверх ногами. Едет барин с барыней, увидал, что Климка на осине качается, и говорит: «Ах, боже мой! Да ведь это Климка-вор повесился! Видно, моего гнева испугался, что до барыни не

добрался. Жаль Климку!» А колокольчики в лесу динь, динь! «Малый! Это что за звон? Поди, погляди!» Сперва пошел один малый, там другой, третий, и разбрелись все в разные стороны — никак толку не доберутся.

Выскочил сам барин и пустился в лес; а Климка того и ждал, спрыгнул с дерева, подбежал к коляске и вмиг очутился на козлах; приударил коней по бедрам и покатил себе... Барин пришел назад — нет ни барыни, ни Климки на дереве, только пыль по дорожке вьется! Догадался и воротился пешком домой. Велел позвать Климку: «Ты украл барыню?» — «Я». — «Отдай назад!» — «Нет, барин, шалишь! Не на то воруют, чтоб назад отдавать. Выкупи — твоя будет». — «Что возьмешь?» — «Коробочку серебра». Барин согласился. Климка вырыл яму, поставил на нее коробку, да в коробке-то дно продырявил. Барин сыпал-сыпал, яма не насыпается, Климка, барыней не меняется. Надоело барину сыпать, опостылел ему Климка, велел бросить его в море.

Зашили раба божия в куль, положили на бережок, пошли искать камень на шею; а Климка-вор в куле катается, громким голосом разливаётся: «Сударе бояре! Явите божию правду; на воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» Проходил мимо какой-то боярин, вслушался в эти речи, подошел и спрашивает: «Что ты говоришь, братец?» — «На воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» — «Пусти меня на свое место; лезь вон!» Забрался боярин в куль, уж считал себя за воеводу — да попал в воду; а Климка вышел на простор, загулял вольным казаком, кутил-мутил, пока буйну голову сложил.

6.

Живал-бывал Наум. Вздумал Наум воровать идти. Пошел один; попался ему навстречу Антон. «Ты куда, Наум?» — «Взбрело мне на ум воровать идти; а ты куда, Антон?» — «Я сам думаю о том!» — «Ну так пойдем вместе». Вот и пошли двое; идет навстречу Влас, спрашивает их: «Ты куда, Наум?» — «Да взбрело мне на ум воровать идти». — «А ты, Антон?» — «Я сам думаю о том!» В свой черед и они спрашивают: «Ну а ты куда, Влас?» — «Я давно поджидаю вас!» Вот пошли все вместе и держат такой совет: «Куда ж нам воровать идти? Если к попу — у попа деньги трудные, если к купцу — у купца то же самое; пойдемте-ка к судье, у судьи деньги нетрудные». Пришли к судье; у него ворота заперты, а собаки злющие. «Нет, видно, сюда не проберешься!» — стали говорить Антон с Власом. «Вот еще! — сказал

Наум. — Притащите соломы, заверните меня да спустите за ограду; я вам ворота отопру».

Сказано — сделано. Завернули Наума в солому и перекинули за ограду; он покотился прямо к кладовой, достал оттуда мешок муки, насыпал в корыто, развел-замесил на крепком вине и поставил собакам. Собаки бросились на месиво; до того нажрались, что ни одна и с места не может сойти. Наум взял перевязал всех собак хвостами по паре и повесил на ограде, потом отворил ворота, впустил товарищей, и пошли они замки ломать да амбары обчищать. Много набрали всякого добра. Стали добычу делить; всё поделили, остается енотова шуба, как с ней быть? Наум говорит: «Шуба мне следует; я выдумал и собак окормить и ворота отворить». — «Нет, брат, жирно будет!» — «Коли так, я пойду к судье; он горазд судить и рядить; пусть-ка нас рассудит!»

Вот пошел Наум в комнаты, а Влас да Антон стали под окно слушать. У судьи совесть-то нечиста, так ночью не спится. «Это ты, Иван?» — спрашивает судья. «Я», — отвечает вор. «Расскажи-ка мне сказочку». — «Пожалуй, скажу: живал-бывал Наум, взбрело ему на ум воровать идти...» — и начал рассказывать все дело, как было; дошел до того, как они трое за шубу поспорили, и говорит: «Сам рассуди, кому шубу взять?» — «Кому? Да, разумеется, Науму». — «Мне и самому то ж думается!» — «Что ж дальше-то было?» — «А дальше спать пора!» — сказал Наум и ушел из комнаты. Приходит к своим товарищам: «Ну что? Чай, сами слышали, кому шуба следует!» — «Мы и не стоим теперь за нее, возьми себе и владей на здоровье!» — отвечали Антон и Влас. После того распрощались и пошли в разные стороны, а судья остался с пустыми амбарами и без шубы.

7.

Жил-был мужик; у него было три сына. Повез отец большого сына в лес; возил его, возил, вот парень увидал березу и говорит: «Батюшка! Если б сжечь эту березу на уголья, завел бы я себе кузницу и пошел молотком постукивать да денежки выколачивать». — «Ну, — думает мужик, — в этом сыне будет прок!» Потом взял среднего сына и завез в лес; увидели они большой дуб, и говорит сын отцу: «Батюшка! Если б срубить этот дуб, стал бы я плотничать, топором деньги зарабатывать». — «Слава богу, — думает мужик, — и в этом прок будет!» Опосля взял меньшого сына Ваньку; возил его, возил по лесу — Ванька все молчит, ни единого словечка не проронит;

только выехали они из лесу — ведут мясники корову. «Батюшка, — говорит сын, — как бы украсть эту корову?» — «Э, да ты этакой! — отвечает отец. — Ступай же от меня, куда сам знаешь! Видно, ты — не кормилец мне». — «Ну что ж! Коли гонишь, я себе дядю найду».

Долго ли, мало ли искал он, и нашел-таки дядю. «Возьми, — просит, — меня в товарищи». — «Возьму, — говорит в ответ названный дядя, — если украдешь из-под дикой утки яйца, да так украдешь, что она и не услышит и с гнезда не слетит». — «Экая диковина!» Вот отправились они вместе, нашли утиное гнездо и поползли к нему на брюхе; пока еще дядя подкрадывался, а парень уж все яйца из гнезда повыбрал, да так хитро, что птица и пером не шевельнулась; да не только яйца повыбрал, мимоходом у названного дяди из сапог подошвы повырезал. «Ну, Ванька, нечему тебя больше учить, ты и сам большой мастер!» С той самой поры начал Ванька воровством промышлять: что ни попадет под руку — все тянет!

Собрались горожане, люди торговые, посадские, пришли к королю и стали челом бить: «Такой-де вор проявился, что берегись — не убережешься, сторожись — не устережешься; захочет — среди белого дня разденет до нитки!» Приказал король призвать к себе вора. «Правда ли, — спрашивает у него, — будто ты такой хитрый вор, что берегись — не убережешься, сторожись — не устережешься?» — «Правда, ваше королевское величество!» — «Коли так, уведи у меня жеребца из конюшни; украдешь — помилую, а не украдешь — мой меч, твоя голова с плеч!» — «Украду, ваше королевское величество!»

Король нарядил на конюшне строгий караул; а вор Ванька дождался вечера, переделался, чтоб его не спознали, взял бочонок с водкою, притворился пьяным, и идет через королевский двор, идет-шатается, из стороны в сторону качается. Увидали его конюхи: «Эк нализался! Чуть на ногах стоит!» — «Стой, братцы, — говорит один, — ведь у него бочонок-то с вином; давайте зазовем его к себе да поделимся винцом; веселей сторожить будет». — «И впрямь так!» — закричали другие; тотчас подхватили вора под руки, привели в конюшню: «Оставайся, брат, с нами; куда тебе идти! К завтраму проспишься и пойдешь домой».

Ванька повалился на солому и захрапел, будто совсем спит. Тут конюхи стали к бочонку прикладываться; осушили весь до дна, опьянели, попадали наземь и крепко заснули. А вор тому и рад, отвязал королевского жеребца и увел к себе. Наутро хватился король — нет любимого коня. Послал за Ванькою: «Ты увел жеребца?» — «Я, ваше величество». — «Хорошую

шуточку сшутил ты; ну, эту шутку я тебе прощаю, только уходи поскорей из моего царства, не то, добрый мблodeц, несдобровать тебе!»

8.

В некотором царстве стояла небольшая деревня; в этой деревне жили два брата; один помер, и остался после него сын — записной вор Сенька Малый. Уж куда-куда ни отдавал его отец в науку — все не вышло толку. «Что ж ты не учишься? — спрашивают, бывало, у него отец с матерью. — Али целый век хочешь дураком изжить?» А Сенька так и брякнет в ответ: «Коли хотите вы от меня хлеб-соль видеть, отдайте воровству учиться; другой науки и знать не хочу!» Вот как помер отец, Сенька Малый не стал долго думать, пришел к дяде и говорит: «Пойдем, дядя, на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». — «Ладно, пойдем!»

Вот и пошли; идут мимо болота, глядь — дикая утка в камышах гнездо свила и сидит себе на яйцах. «Давай-ка утку изловим!» — говорит дядя и стал подкрадаться; только птицы не поймал, понапрасну с гнезда согнал. А Сенька Малый шел позади и вырезал из дядиных сапогов подметки. «Ну, Сенька, — сказал дядя, — я хитер, а ты хитрее меня!» Идут они дальше; а навстречу им три мужика, ведут на базар быка продавать. «Как бы нам, дядюшка, этого быка достать?» — спрашивает Сенька. «Эх ты; ведь теперь не ночь; серед бела дня не украдешь». — «Небось украду!» — «Что ж ты, али и взаправду мудреней дяди хочешь быть?» — «А вот увидишь!»

Сенька Малый снял с правой ноги сапог, бросил на дорогу и укрылся с дядей в сторонке. Мужики дошли до этого места. «Стой, ребята, — закричал один, — вишь какой славный сапог валяется». — «Хорош, да что с ним делать-то? Кабы пара нашлась, можно бы взять; а теперь что? Одна нога в сапоге, а другая в лапте!» Посудили, подумали и, не взяв сапога, пошли прочь. Сенька тотчас надел правый сапог, а левый снял; забежал вперед, кинул его на дорогу и спрятался в канаву. «Стой, ребята, — закричал тот же мужик, — вот и другой сапог. Знать, какой-нибудь Разувай Федулыч растерялся. Ну-тко, братцы, вперегонки за тем сапогом! Ведь годятся на вечеринки к девкам ходить». Бросили быка и пустились вперегонки назад; а Сенька Малый того и добивался, подхватил сапог и погнал быка в сторону; загнал его в болото, отрубил голову и приставил ее опять на прежнее место.

Мужики пробегались попусту; воротились — нет быка; пошли искать, искали-искали, ходили-ходили и набрали на болото. «Ишь куда нелегкая его

угораздила! Прямо в тину затесался! Надо, — говорят, — вытаскивать...» Достали веревку, сделали петлю, набросили с размаху и зацепили за рога, понатужились да как дернут — так все наземь и попадали. «Ахти, какое горе! Ведь совсем быка загубили, как есть голову оторвали!» Делать нечего, пошли мужики домой с пустыми руками; а Сенька Малый позвал дядю, вытащили вдвоем быка, содрали кожу, разрубили мясо на части и стали делиться. Дядя говорит: «Неужли ж делить поровну? Я старше, мне следует больше!»

Сенька обиделся, схватил бычью кожу и ушел от дяди; забрался в кусты, вырезал два березовых прута и принялся хлестать по коже. Хлещет да во все горло выкрикивает: «Батюшки! Не я один крал, дядя помогал!» Дядя услышал это. «Ну, — думает, — попался Сенька!» — и приударил с испугу домой; а Сенька сбегал за лошадью, поклат всю говядину на воз, отвез ее в город и продал за чистые денежки.

На другой день пришел Сенька Малый к дяде, зовет государеву казну воровать. «Пойдем, — говорит, — на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли ночью к царскому дворцу; у ворот стоят часовые — как тут ухитриться? Сенька Малый подкопался под угол, залез с дядей в кладовую и ну набивать карманы. Что тут золота, что серебра они утащили! Полюбилось им это дело, и повадился Сенька каждую ночь ходить в царскую кладовую да забирать деньги.

Захотел царь посмотреть свою казну, видит — что-то неладно, много добра распропало; созвал совет и стал спрашивать: как бы умудриться да вора поймать? И придумали сообща: у той самой дыры, куда вор лазит, поставить большой чан со смолою. Как сказано, так и сделано; целый день смолу топили да всё в чан лили. Вечером поздно зовет Сенька Малый дядю на промысел. «Пойдем, — говорит, — ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли к царской кладовой. Сенька Малый стал посылать дядю: «Ты полезай наперед, а я за тобою!» Дядя полез — и прямо в чан угодил; как закричит благим матом: «Ох, смерть моя! В смолу попал». Сенька думал было его вытащить, возился с ним, возился, нет — ничего не поделаешь! «Пожалуй, — думает, — по нем и меня дознаются!» Взял отвернул ему голову и понес к тетке: так и так, рассказывает ей, пропал дядя ни за грош!

Наутро доложили царю: который-де вор казну воровал — нынче в смолу попал, только головы нету. Царь приказал заложить тройку лошадей с колокольчиком и везти мертвое тело по всем селам, по всем городам: не найдутся ли сродники? Коли станет кто по нем плакать, сейчас того хватать

да в кандалы ковать. «Тетушка, — спрашивает Сенька, — хочешь поплакать по своему мужу?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» — «Слушай же: возьми новый кувшин, налей молока и ступай навстречу: как увидишь, что везут твоего покойника, спотыкнись нарочно, разбей кувшин и плачь себе вволю». Тетка взяла новый кувшин, налила молоком и пошла навстречу.

Вот везут мертвое тело, и как только поравнялись с нею — она вдруг будто споткнулась, разбила кувшин, разлила молоко и начала громко плакать да причитывать: «Свет ты мой! Как мне жить без тебя?» Сейчас набежали со всех сторон солдаты, окружили бабу и стали допрашивать: «Говори, старая, о чем голосишь? Не признала ли покойника? Что он — муж тебе, брат или сват?» — «Батюшки мои родные! Как же не плакать мне? Сами видите, какая беда надо мною стряслась: разбила кувшин с молоком!» — и опять принялась выть. «Экая дура, нашла о чем плакать!» — говорят солдаты, и поехали дальше.

На другой день докладывают царю: где-где ни возили покойника, никто не сказался из сродников, никто по нем не поплакал; только и слез видели, что одна старуха кувшин разбила да над черепью голосила. «Что ж вы ее не хватали? — говорит царь. — Кто другой, а уж она наверно знает про вора!» — и опять-таки приказал возить мертвое тело по всем селам, по всем городам. «Тетушка, — говорит Сенька Малый, — хочешь похоронить дядю?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» Сенька запряг лошадь в телегу, приехал в ту самую деревню, где с мертвым телом ночевать пристали, и просится на постоянный двор. «Куда тебе? — сказывает хозяин. — Вишь сколько народу наехало». — «Пусти, добрый человек! Ведро вина куплю». Услыхали солдаты. «Пусти!» — говорят. Сенька купил ведро вина и напоил всех допьяна; крепко заснули и хозяин и сторожа, а Сенька Малый отпер ворота и увез покойника.

Поутру проснулись солдаты, собираются ехать и сами не знают: как быть, что делать? Воротились к царю; доложили, что мертвое тело ночью выкрадено, а кем и как — неведомо. Царь созвал совет и опять спрашивает: нельзя ли как умудриться — изловить вора? Совет и придумал поставить на таком-то лугу целую бочку вина, при ней кучу денег рассыпать, а в стороне часового спрятать; известное дело: вор не утерпит, придет воровать, напьется пьян — тут его и хватай! Сказано — сделано. Сенька Малый выбрал темную ночь и пошел воровать; приходит на луг, стал было деньги огребать, да почуял, что вином пахнет: «Дай винца попробую!» Попробовал

— славное вино, сроду такого не пивал! «Ну-ка еще!» Пил-пил и напился пьян как стелька; и с места не сошел: где воровал, тут и уснул.

А часовой давно его заприметил. «Ага, — думает, — попался, любезный! Теперь полно по свету гулять; насидишься в сибирке!» Подошел к Сеньке Малому и обрезал ему половину бороды: коли и уйдет, так былó б признать по чем. «Пойду теперь — доложу по начальству». Пока добрался часовой до начальства, уж светать стало; Сенька проснулся, опохмелился, хватя рукой за бороду — половины как не бывало. Что делать? Думал, думал и надумался; пошел на большую дорогу и давай всякого встречного-поперечного таскать за бороду, кого ни ухватит — так половина бороды и прочь! Как тут вора узнать? Выпутался Сенька из беды, отрастил снова бороду и стал себе жить-поживать, в чужое добро лапы запускать; и долго бы жил, да вот недавно повесили.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.